

ЭМИЧЕСКИЙ И ЭТИЧЕСКИЙ УРОВНИ ОПИСАНИЯ В РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ: СЛУЧАЙ И.П. КУЛИАНУ

Павел Георгиевич Носачев

Фигура Иона Кулиану представляется во многом противоречивой. С одной стороны, это блестящий религиовед, охвативший в своем творчестве множество тем (гностицизм, ереси Средних веков, эзотерические мотивы в эпохи Возрождения, магия), взгляды которого сильно разнятся с идеями его старшего коллеги и близкого друга Мирча Элиаде¹. Многие находят у Кулиану развернутую концепцию когнитивного изучения религии², которую ему так и не удалось развить до конца из-за трагической кончины. С другой стороны, на наш взгляд, в творчестве Кулиану есть моменты, заставляющие говорить о глубокой увлеченности исследуемой темой, порой столь глубокой, что ученый перенимает стиль мышления и язык исследуемых авторов и течений. Наследие, оставленное нам профессором Кулиану, многообразно, и здесь мы не претендуем на его полное освещение. Мы планируем лишь частично разобрать важные для его творчества темы, напрямую связанные с проблемой сочетания эмического и этического в рамках его религиоведческого подхода. Для этого мы обратимся к двум его фундаментальным работам: «Эрос и магия в эпоху Ренессанса» и «Древо гнозиса: Гностическая мифология от раннего христианства

¹ О жизни И.П. Кулиану и его непростых взаимоотношениях с Элиаде см.: *Горшунова О.В.* «Терра инкогнита» Йоана Кулиану // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 6. С. 94–110.

² См.: *Куэртэн Э.* Ион Петру Кулиану. / Пер. с англ. и прим. И.С. Анофриева. Электронный ресурс, режим доступа: <http://religious-life.ru/2012/01/ezhen-kuerten-ion-petru-culianu/> (дата обращения: 01.10.2016).

до современного нигилизма». Этот выбор обусловлен тем, что последняя книга является предсмертной работой чикагского религиоведа, в которой, по мнению многих, нашла полное выражение его система религиозной морфодинамики, вторая же ярко иллюстрирует личное отношение Кулиану к изучаемой теме.

Тема дуалистических течений занимала Кулиану достаточно давно¹, и в своей работе, вышедшей в 1992 году, он решил дать ей полный и, к сожалению, из-за его кончины, финальный анализ. Прежде всего, Кулиану пересматривает историю религиоведческих и исторических исследований гностицизма как феномена, видя в ней множество устаревших и ошибочных гипотез, давно нуждающихся в переоценке. Самой устаревшей, на его взгляд, является гипотеза немецкой школы, выдвинувшей идею дохристианского гностицизма и пытавшейся свести как христианство, так и гностицизм к одному источнику — зороастрийскому дуализму. Этот подход, согласно Кулиану, неверен по своей сути. Во-первых, он был сильно идеологически детерминирован и в свое время сыграл роль в общем широком движении поиска немецкой идентичности, приведшего в итоге к формированию нацистского мифа². Во-вторых, обосновать существование

¹ Еще обучаясь в Италии под руководством Уго Бьянки, он находился под влиянием проводимых его наставником исследований дуалистических учений и позже продолжил уже сам заниматься ими, работая над диссертацией в Сорбонне. См.: Couliano I. *The Tree of Gnosis*. San-Francisco: 1992. P. XVIII, 55–56.

² «Немецкая школа истории религии разделяет ряд положений, высказанных открыто Volkische Bewegung или Народным движением в начале XX века и позже полностью одобренных нацистами. Немецкая религиоведческая школа подготовила почву для притязаний на “арийского Иисуса”, Иисуса, который был против еврейства. И некоторые из величайших ученых эпохи, прежде всего Рудольф Бультман, который никак не может быть заподозрен в симпатиях нацизму или антисемитизме, были уловлены “объективным” видом

идеи общего источника, который видит немецкое религиоведение в зороастризме, также невозможно, потому что «зороастрийский дуализм — прокосмичен, гностический — антикосмичен»¹, а зурванизм не старше III века по Р.Х., гностицизм же появляется не позже II. Но и другие попытки объяснения гностицизма также не удовлетворяют Кулиану. Идея сведения последнего к форме иудаизма неудачна, поскольку обращение гностиков к Мидрашам или Танаху не превышает по количеству и значимости те же обращения христиан, в таком случае и христианство можно считать формой иудаизма. Наиболее удачным на уровне задумки признается подход Ганса Йонаса, пытавшегося описать гностицизм на основании специфических, лишь ему присущих характеристик, но идеи Йонаса порой слишком сильно оторваны от конкретных фактов и находятся под сильным влиянием современных учений, таких как экзистенциализм. Экзистенциальный пессимизм (или гуманизм, пользуясь выражением Сартра) не находит своего подтверждения в гностических и манихейских идеях. Сравнивая манихейство с гностицизмом, Кулиану приходит к выводу, что оба древних учения проповедовали радикальный оптимизм в отношении мира, основанный на идее «искр света», избранных гностиков, потерянных в этом материальном мире, целью которых является спасение посредством возвращения в полноту бытия.

Диалектика борьбы Света и Тьмы в манихействе предполагает наличие света в нашем мире. «Гностический антропологический оптимизм, кажется, достиг своего наиболее демократичного и полного выражения в манихействе. Каждое человеческое существо, наделенное душой, в конечном итоге станет участником спасения.

этих разработок, одобренных уважаемыми коллегами, и оказали им свою авторитетную поддержку», — как поясняет Кулиану (Ibid., p. 52).

¹ Ibid., p. 27.

Однако Мани допускает, что после последнего суда проклятые души будут заключены в ядовитой сфере тьмы навечно»¹. Все эти идеи совсем не напоминают экзистенциалистский мир абсурда с заброшенным в него человеком, мужественно бросающим ему вызов, как он предстает перед нами в прозе и эссеистике Камю или Сартра².

Идею определения гнозиса как системы инвариантов с опорой на структурализм Леви-Стросса продолжил один из учителей Кулиану Уго Бьянки, считавший одной из базовых основ гнозиса антикосмический дуализм и сформировавший в итоге целую теорию дуалистических течений от гностицизма до катаризма, разделяющих идеи антикосмизма, антисоматизма, реинкарнации, энкратизма и докетизма. Но и такое рассмотрение Кулиану не считает удачным, поскольку детальное исследование гностицизма приводит к обнаружению множества тонкостей, в том числе и показывающих, что «некоторые гностические доктрины, не важно, определяем мы их как дуалистические или нет, не являются “антикосмическими”, они ограничивают себя приписыванием низшим силам и властям создание человеческой экосистемы...»³.

Главная проблема для исследователей всех направлений заключается в объяснении того, что в гностицизме мы находим множество мифологических вероучительных параллелей с иудаизмом, христианством, платонизмом и иными религиозными и философскими системами, ему современными. Предыдущие исследователи склонялись к идее культурного диффузионизма, согласно которой все отдельные культурные влияния формируются вследствие взаимопроникновения идей и сюжетов

¹ Ibid., p. 182.

² Подробнее см. рассуждения Кулиану в: Ibid., p. 111.

³ Ibid., p. 56.

разных культур друг в друга, иная версия этого подхода более прямолинейна и говорит о прямом заимствовании традиции от одной системы в другую. Кулиану не удовлетворяют оба объяснения. Искать параллели можно бесконечно и обнаружить их кропотливому исследователю совсем не сложно, но наличие таких параллелей не свидетельствует в пользу реальной связи этих культур и их взаимовлияния. Но как же тогда возможно возникновение столь схожих тем и сюжетов? Для Кулиану ответ прост: человек как биологический вид един, едины система его мышления, едины ее механизмы, следовательно, культурные и религиозные традиции, порожденные им, также могут иметь схожие черты, при этом никак исторически не пересекаясь.

Кулиану отменяет идею вечного гностицизма как некоего праучения, вечного Протея, меняющего маски и формы и прошедшего через всю историю западной культуры. По Кулиану история религии — арена непрестанной морфодинамики, на которой разнообразные исходные элементы мифов и представлений человека о себе и мире смешиваются в различных комбинациях, давая многообразие религиозных учений¹. Гностицизм был одним из первых таких смещений в истории западной культуры. Вот как он поясняет это: «гностицизм не является монолитной доктриной, это лишь набор трансформаций многомерной системы переменных, системы, имеющей ресурс бесконечного числа вариаций. Эта система основана на различных унаследованных допущениях, стабильных, но подверженных интерпретации, допущениях

---

¹ Здесь Кулиану имеет в виду, что «...измерение, разделяемое орфизмом, платонизмом, гностицизмом и западными дуалистическими течениями, прежде всего логическое. Вместо того, чтобы происходить одно из другого, все они вышли из одного источника — человеческого разума» (Ibid., p. 28).

из которых миф книги Бытия представляется наиболее распространенным... Но гностики не основывают реальной традиции, базирующейся на герменевтической преемственности, в какой-то мере они могут быть определены как “инварианты”. Но и такое определение будет неверным, поскольку базируется на частичных предположениях, противоречащих всей полноте данных, имеющихся в нашем распоряжении. Таким образом, не все гностики были антикосмистами, энкратитами или докетистами; не все из них верили в Демиурга этого мира или даже в то, что этот мир зол, и не все верили в метасоматозис или реинкарнацию предсуществующей души»¹.

Но чем в таком случае характерен гностицизм, можем ли мы говорить о нем, как едином феномене? Согласно Кулиану, да, можем. Вернее, мы не можем сущностно определить гностицизм, как нечто целое, но можем выделить те революционные идеи, которые он привнес в культуру первых веков по Р.Х., тем самым отделив себя от других религиозных и философских течений эпохи. По Кулиану такими чертами являются отвержение двух фундаментальных принципов: «первый — критерий экосистемного устройства в той степени, в которой возникновение вселенной, населенной нами, можно приписать разумному интеллекту и благой воле. Второй — антропный принцип, утверждение соизмеримости и взаимной связи между человеком и вселенной»². Те же отрицательные черты повторены далее в форме определения гностицизма: «Под “гностиками” мы имеем в виду не определенную каким-либо институциональным, социальным или даже доктринальным единством группу, но тех, чей разум работал над истолкованием текста

¹ Ibid., p. XIV.

² Ibid., p. XV.

Бытия на основании двух общих принципов: отвержение принципа экосистемного устройства и антропного принципа соизмеримости мира и человека»¹.

К этим чертам можно добавить и единый метод интерпретации библейских сюжетов, использующийся всеми направлениями гностицизма, этот метод исследователь называет «перевернутым экзегезисом» (*inverse exegesis*)². В таком типе истолкования всё, что в Библии носит положительный характер, выворачивается наизнанку и в гностицизме несет отрицательное значение, и, наоборот, то, что в Библии порицается, в гностицизме превозносится. Второй важной чертой гностической герменевтики является ее подозрительность. Все окружающие традиции (и иудейскую, и христианскую, и платоническую) она подозревает в редукционизме, попытке свести высшее Бытие к миру идей, истории о Творце и творении, тогда как на деле за всем стоит истинный мир полноты Бытия, по сравнению с которым все остальные миры — лишь бледные эрзацы³. Таким образом, различные формы гностицизма имеют сходные черты лишь в сравнении с окружающими его религиями одного и того же промежутка времени, но эти черты не являются признаками какого-то гностицизма *per se*. Мало того, они заставляют более детально рассматривать ту сферу, которая раньше именовалась гностицизмом. Так, известный «гностик» Маркион, по Кулиану, гностиком не являлся, так как «не отрицал антропный принцип»⁴. Особый интерес здесь представляет не история гностицизма, поскольку уже очевидным является, что это лишь первая форма дуалистических течений, а дальнейшая история дуализма в ее связи с гностицизмом.

---

¹ Ibid., p. 128.

² Ibid., p. 121.

³ Подробнее см.: Ibid., p. 124–125.

⁴ Ibid., p. 156.

Как уже отмечалось выше, попыткой построения единой гностической религии или системы западного дуализма занимались многие исследователи. Кулиану считает такие разработки ошибочными, поскольку всё тот же детальный анализ течений, называемых дуалистическими, показывает куда более сложную и совсем неоднозначную картину.

Манихейство, например, разделяло с гностицизмом почти все основные черты, но расходилось в идее экосистемного принципа. Согласно манихейству, «библейский бог лишь оформил первую человеческую пару. Структура вселенной говорит о мудрости эонов Света. Материя мира сотворена из Тьмы, но в нее неразрывно вмещана душа Света. Страдая, пребывая в объятиях Материи, Свет все же проявляет себя в каждой травинке. Более того, Солнце и Луна есть постоянное благословенное присутствие, являющее в этом мире отблеск Рая Света»¹.

Дальнейшие исследования ведут к еще более тонким разграничениям. Так, на поверку оказывается, что богомилы никогда не были дуалистами. Согласно их учению, первоэлементы, из которых возникли одушевленные животные, созданы Богом, а не дьяволом, следовательно, наша материальная Вселенная не является плодом злого начала, следовательно, в богомильской теологии нет двух начал, равных по чести и сосуществующих друг с другом в форме непрестанной борьбы. Такой взгляд присущ манихеям, многим гностическим учениям, павликианам, но не богомилам. Произведя колоритный миф, элементы которого сильно напоминают гностические, последние не создали строгой дуалистической теологии, а значит, по сути, не были дуалистами и не продолжали линию преемства от гностицизма².

---

¹ Ibid., p. 181.

² Подробнее см.: Ibid., p. 209.

Подобный анализ можно продолжать и дальше. Если взглянуть на течения Нового времени, хотя бы на уже упоминавшийся экзистенциализм, то мы вновь найдем те же элементы, но поданные в иной конфигурации. Главным отличием здесь будет то, что гностики древности были сильнейшими метафизическими нигилистами, в то время как современные философские школы строятся вокруг нигилизма антиметафизического¹, и сущностная разница здесь, безусловно, колоссальна. Поскольку для одних истинное духовное бытие существует несомненно, для других же нет ничего, кроме этой жизни и бытия человеческой экзистенции. Также встречающиеся в современной массовой культуре темы, почерпнутые или сходные с древним гностицизмом, будут своеобразными и отличными от него. Причина всё та же, единство человеческого мышления и его принципов. Для Кулиану вся деятельность человека, будь то религиозная, научная, культурная, функционирует по принципам шахматной игры, в которой постоянно необходимо делать выбор из множества возможных вариантов, при этом теоретически игра может длиться бесконечно, но в жизни всегда вмешивается один очень важный фактор — фактор власти. Именно он прерывает партию, когда те или иные ходы начинают менять строй жизни, так те или иные идеи становятся еретическими и на них объявляются гонения, проливается кровь, и Кулиану удивляет, что на самом деле «так много крови было пролито за столь малое. Все эти древние еретики, не похожие на нас, жили и умирали за истину, бывшую лишь одним из множества вариантов выбора, ... единственным их грехом было *мышление*; ... проигравшие в истории, проиграли не в игре разума, а в игре власти»².

¹ Ibid., p. 250.

² Ibid., p. 240, курсив в оригинале.

Таким образом, в теории морфодинамики мы встречаем бескомпромиссную редуccionистскую модель, ставящую жирный крест на теориях духовной инспирации, связи с иными реальностями, особых состояний сознания, единого вневременного гнозиса. Всё, что есть — это человеческий мозг, функционирующий по принципам компьютера, в который загружена шахматная программа с максимально возможным числом вариантов, и внешний фактор машины принуждения, которая прерывает игру в тот момент, когда игроки слишком сильно в нее погружаются. Более нет ничего.

Теперь обратимся к более ранней работе «Эрос и магия в эпоху Ренессанса», где, на наш взгляд, портрет Кулиану как личности очерчен значительно ярче.

Разумеется, до Кулиану уже многие обращались к эпохе Возрождения и рассматривали ее со множества различных позиций, но важнейшая загадка так и не была разрешена: что такое магическое мышление эпохи, что такое магия и почему она предшествовала рождению нововременной рациональности? Напомним, что на эти вопросы пыталась ответить в своих известнейших книгах Фрэнсис Йейтс, но чикагский религиовед попытался не просто сконструировать отвлеченную теорию описания некоего положения дел, а понять, чем была магия для Бруно и его современников, для чего, по сути, нужно было начать мыслить как Бруно, сделать его мир своим миром. На наш взгляд, Кулиану это вполне удалось.

Несмотря на то, что между Ренессансом и Новым временем существует прямая хронологическая связь, системы их мировоззрений совершенно не сопоставимы. Научная картина мира, определившая развитие западной цивилизации на века, не имеет почти ничего общего с магическим мировоззрением выдающихся умов эпохи

Возрождения, в этом убежден Йоан Кулиану. Чтобы понять эту картину, нужно усвоить ряд положений, очевидных для той эпохи и совершенно чуждых современности. Первое и главное — роль фантазмов в системе мышления и познания мира. Дуализм телесного и душевного решался с помощью введения третьей опосредующей сферы — астральной. Кулиану говорит, что «...тело открывает душе окно в мир посредством пяти чувственных органов, сообщения которых идут в аппарат сердца, занимающийся их расшифровкой, чтобы они стали понятными. Именуемый *фантазией* или внутренним чувством звездный дух преобразует сообщение от пяти чувств в *фантазмы*, воспринимаемые душой, поскольку душа не может воспринять ничего, что не было бы облечено в последовательность фантазмов; проще говоря, она ничего не может понять без фантазмов»¹. Фактически вся сфера любовных, эротических переживаний, сфера памяти и магия полностью завязаны на этой теории познания, включающей фантазмы как ключевой аспект.

На том же принципе основывается и древнее искусство памяти. Фрэнсис Йейтс достаточно подробно описала метод *Iocī*, систем зрительных образов, помещаемых оратором с помощью воображения в окружающее пространство для того, чтобы, произнося речь по этим образам, подробно реконструировать ее последовательность и смысл. По сути, Ренессансное искусство памяти — это «техника манипуляции фантазмами»², обретшая две формы выражения: утилитарную, кодифицирующую знаки и образы, необходимые для запоминания, позже выродившуюся в простую забаву; и универсальную комбинаторику, развитую Раймондом Луллием, в которой

¹ *Couliano I.P.* Eros and Magic in the Renaissance. Chicago: 1987. P. 5. Курсив в оригинале.

² *Ibid.*, p. 32.

образы-фантазмы являются не служебным орудием, а «приблизительным выражением высших истинных реальностей интеллигибельного порядка, бледной копией которых и является наш мир»¹. Именно с последней разновидностью и связан феномен магии этой эпохи.

Из всех деятелей Возрождения наибольший интерес для Кулиану представляет Джордано Бруно, потому что Бруно является последним самым ярким представителем эпохи, жившим как раз во время ее заката, в его творчестве эксплицированы с максимальной открытостью идеи магического мировоззрения, являющиеся объектом исследования чикагского религиоведа. Бруно использовал те же техники памяти, что и его предшественники, с целью создания больших картин в воображении, картин, несущих не утилитарный, а магико-религиозный смысл. Так, сюжет с Актеоном, подглядывшим купание богини Дианы, должен стать картиной памяти, указующей на процесс постижения иных божественных реальностей. Напомним, что по сюжету мифа Актеон охотился и случайно увидел богиню Диану, купавшуюся в лесном озере, он был поражен ее неземной красотой, богиня же превратила его в оленя, которого тут же растерзали его же собственные охотничьи собаки. По толкованию Бруно Актеон не несчастный охотник, а существо, сподобившееся соединения с богиней. Ведь зрение — фантазмический акт познания, и поскольку богиня позволила смертному видеть себя, то в этом акте созерцания он стал обладать ею, и за это богиня превращает его в свое животное — оленя, дальнейшее же завершение истории есть лишь подтверждение истинности избранничества богини, ведь соединившийся с ней не желает более жить в земном мире, следовательно, смерть для него желанна. Вся эта картина должна наводить создающего ее в своей памяти на определенные духовные размышления, которые

¹ Ibid., p. 34.

Бруно, очевидно, практиковал. Согласно Кулиану, Бруно был уже мертв для этого мира и жил для иного мира языческих богов и богинь, который в его представлениях был смешан с историей христианства и современностью в единое противоречивое целое.

В контексте нашей темы хотелось бы особенно отметить это толкование. Исследований жизни Бруно в академической среде немало, но, пожалуй, никто из исследователей до Кулиану не претендовал на раскрытие внутреннего мира мага так, как сам Бруно осознавал его. Кулиану здесь фактически берет на себя смелость передавать мировоззрение Бруно не отвлеченно, как это принято в научном сообществе, а включено, будто бы пережив вместе с Ноланцем его видения и осознав всю их важность для его жизни. Именно поэтому чикагский религиовед не раз сокрушается о полном непонимании жизни и творчества Бруно потомками, сделавшими его символом демократии и свободы, каковым он никогда не являлся. Подобные рассуждения встречаем мы и у Йейтс, но британская исследовательница стремится показать чуждость и противоположность мысли и взглядов Бруно новой науке, Кулиану же сопереживает Бруно и его миру, противопоставляя его нововременному мировоззрению, и складывается ощущение, что в этой оппозиции сам Кулиану стоит на стороне Ноланца. Последнее замечание могло бы быть случайным и ошибочным, если бы не дальнейшие подтверждения, которые мы находим в описании взглядов Джордано Бруно на магию.

Особую роль в понимании магии здесь может сыграть малоизвестный трактат Бруно «De vinculis in genere», по мнению Кулиану, честностью и цинизмом сравнимый лишь с «Государем» Макиавелли и преследующий сходные с произведением итальянского философа цели, но если

Макиавелли говорит о политической плоскости правления, то Бруно разбирает его магическую составляющую. Трактат написан с точки зрения мага-манипулятора, рассматривающего мир и социум как сферу приложения своих знаний и сил.

Напомним, что магия работает в сфере фантазмов, которые наполняют мир воображения, а оно является определяющей составляющей действия, как каждого отдельного человека, так и масс. Иными словами, в трактате Бруно мы сталкиваемся со средством манипулирования человеческим сознанием, как индивидуальным, так и массовым, манипулированием посредством образов. Думается, что аналогии из современной жизни должны сами прийти на ум читателя, но Кулиану не собирается оставлять эти аналогии не раскрытыми, он начинает подробно их анализировать, прежде всего, сопоставляя книгу Бруно с «Психологией масс и анализом человеческого “Я”» Фрейда и «Толпой» Густава Лебона. Для Кулиану книга Бруно не теоретическое описание исследователя, а схема-прототип развития любой системы манипулирования сознанием, вплоть до сего дня. «Маг “De vinculis” является прототипом безличной системы масс-медиа, непрямого цензурирования, глобальной манипуляции и промывания мозгов, составляющих суть оккультного контроля над западными массами»¹. Сам манипулятор здесь предстает как лишенный страстей и не подверженный манипуляциям человек, который должен в себе воспитать качества, делающие его магом. Чуть позже, рассуждая о психической нормальности мага, Кулиану полностью признает ее, поскольку все процессы, осуществляемые магом, и его внутреннее состояние могут быть лишь нормальными, ведь он должен прекрасно понимать суть и природу фантазмов и уметь транслировать

¹ Ibid., p. 90.

их другим людям, тогда как психически больной является сам поработанным неконтролируемыми фантазмами. Манипулировать маг может лишь людьми, имеющими веру, вера понимается в широком плане, верить можно в разное, но, очевидно, что религии для Бруно есть первые и самые действенные средства манипуляции. Легче поддаются манипуляции люди, обладающие меньшими знаниями, но, по существу, все в этом мире поддается магическому воздействию мага-манипулятора.

Еще раз заметим, Бруно здесь не осуждает, а лишь описывает конкретные рецепты по управлению людьми. Говорить о магии манипуляций можно достаточно долго, но мы хотим вернуться к теме Кулиану как исследователя, ибо здесь максимально выражена не просто симпатия ученого к предмету своего исследования, а полное слияние и проникновение в его идеи, фактически Кулиану начинает мыслить как Бруно и воспринимает окружающую реальность через призму системы последнего. Вот красноречивый пассаж, в котором это ярко проявляется: «Три ипостаси, мага, врача, пророка, тесно связаны друг с другом и не имеют четкой линии демаркации. “Психоаналитик” также является членом группы, его сфера — выходящее за пределы норм и сверхчеловеческое (superhuman). В условиях современной специализации и разрушения границ компетенций мы могли бы сказать, что два других деятеля бруновской магии — сам маг и пророк — исчезли. Но более вероятно, что они просто замаскировались в умеренных и дозволенных формах, и аналитик — одна из них, но не самая важная. В наше время маг занимается пиаром, пропагандой, маркетинговыми исследованиями, социологическими опросами, публицити, информированием, контринформированием и дезинформированием, цензурой, шпионажем и даже криптографией — наукой, которая в XVI веке была ветвью

магии. Эти ключевые фигуры нашего общества — просто продолжение бруновского манипулятора, следующие его принципам и заботящиеся о том, чтобы придать им техническое и имперсональное воплощение. Историки ошиблись, решив, что магия исчезла с приходом “количественных наук”. Последние заменили магию, отчасти продлив ее мечты и цели с помощью технологии. Электричество, скоростной транспорт, радио и телевидение, самолеты и компьютеры воплотили в жизнь обещания, впервые выраженные в магии посредством сверхъестественных способностей мага: производить свет, постоянно перемещаться из одной точки пространства в другую, общаться с удаленными частями света, летать по воздуху и иметь в распоряжении безошибочную память. Технологию можно назвать демократичной магией, позволяющей каждому насладиться сверхъестественными возможностями, которыми хвастался маг. С другой стороны, ничего не вытеснило магию с ее собственной территории intersубъективных отношений. Поскольку они имеют оперативный аспект, социология, психология, прикладная психосоциология представляют в наше время не прямое продолжение возрожденной магии»¹.

Этот отрывок один из самых ярких, но далеко не единственный; далее Кулиану развивает идеи Бруно, говоря о том, что место мага ныне заняло государство, поскольку именно оно является новым манипулятором фантазмами. Чикагский религиовед (отметим, уже *не* Бруно) делит современные государства на два типа: магические и полицейские. В чертах последнего легко угадываются образы стран Варшавского договора второй половины XX века. Они в стремлении защитить свою устаревшую культуру превращаются в тюрьмы, где все свободы, как иллюзорные, так и реальные, агрессивно

---

¹ Ibid., p. 104.

подавляются. Эти страны значительно хуже магических государств, в которых вся система правления строится вокруг манипуляции фантазмами и через них управлением массами и индивидами. Магия, как наука метаморфоз, заставляет такое государство быть вечно изменчивым к веяниям времени и перестраивать себя на ходу, всегда меняя ценности и ориентиры там, где полицейское государство не может предложить ничего, кроме тупого силового принуждения верить в то, что давно никого не убеждает. Не сложно догадаться, что магическими являются страны современного либерализма, в условиях которого и писал свои работы Кулиану. Таким образом, в тексте исследователя мы встречаем образ вечной магии, «науки прошлого, настоящего и будущего»¹, по выражению Кулиану.

Итак, мы столкнулись со странным феноменом: ученый, предложивший редукционистскую когнитивную модель функционирования религии, разрушивший какие-либо попытки построения единой генеалогии маргинальной религиозности, начинает мыслить как маг, применяя категории мировоззрения эпохи Ренессанса к современности без каких-либо объяснений и переходов так, будто они являются реалиями окружающей нас жизни. Все это можно было бы рассматривать как простые фигуры речи, если бы в них не было вложено столько личных переживаний и экспрессии. Для Кулиану проблема магического манипулирования, сфера воображения были частью его жизни, частью судьбы, и мировоззрение Бруно он во многом перенял и сделал своим мировоззрением, что не помешало ему оставаться ученым, последовательно применяющим редукционистские концепции в своем творчестве. Таким образом, можно сказать, что в творчестве Кулиану мы видим историю о том, как этическое описание стало эмическим.

¹ Ibid., p. 106.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на **Вододіли секуляризації** / За ред. О. Білокобильського, В. Левицького. Вінниця, 2015. 240 с.

Осенью 2015 года сотрудниками исследовательского центра «Украинский институт стратегий глобального развития и адаптации» была опубликована коллективная монография «Водоразделы секуляризации». Как отмечается в предисловии, данное исследование имеет длинную историю. Авторский коллектив состоял из преподавателей и студентов сначала философского факультета Государственного института информатики и искусственного интеллекта, а после его ликвидации в 2011 году из сотрудников кафедры философии Донецкого национального технического университета. Однако события 2014 года помешали окончить работу над книгой в предполагаемый срок. Авторы были вынуждены покинуть Донецк и переселиться в другие города Украины. Несколько позже исследовательский процесс был возобновлен и уже осенью 2015 года прошли первые презентации коллективной монографии. Следует отметить, что данный труд, как и было отмечено в предисловии, не является единым монолитным текстом, а представляет собой сборник статей разных авторов, согласных в понимании теоретического предмета своего исследования. Базовая предпосылка для авторов — тезис о том, что «происхождение, нынешнее состояние и будущее нашей цивилизации нельзя понять без ее религиозных корней, судьбу отдельных культур определяет темп, длительность и направленность процесса секуляризации их религиозных смыслов. Указывая на «водоразделы» этого процесса — условные линии, разводящие потоки, которые более не пересекутся — надеемся осмыслить карту